

Университет

Борис Комский. Алленштейн, Восточная Пруссия. 1945 год

февраль 1945
г. Алленштайн. П

Текст и контекст

ЕВРЕИ НА ВОЙНЕ

Олег Будницкий

Название статьи как будто отсылает к известному (впрочем, скорее малоизвестному) журналу с таким же названием, выходявшему недолгое время в начале первой мировой войны. Журнал рассказывал о подвигах евреев – солдат русской армии. Офицеров-евреев в то время не могло быть по определению. Еврейская общественность была озабочена тем, что воинская доблесть евреев недооценивается, а то и остается все неизвестной широкой публике. Прошло четверть века. Во время второй мировой войны в Красной Армии сражалось примерно такое же число евреев, как и в армии императорской России – более 400 тыс. человек. Теперь среди них были и тысячи офицеров, и без малого три сотни генералов и адмиралов. И вновь еврейская общественность – теперь уже советская – была озабочена тем, что подвиги евреев на фронтах Великой Отечественной остаются неизвестными или малоизвестными. Об этом говорил на пленуме Еврейского антифашистского комитета в марте 1943 года Илья Эренбург:

Для того чтобы евреи-бойцы и командиры могли и дальше спокойно делать свое дело, мы обязаны рассказать о том, как евреи воюют на фронте. Не для хвастовства, а в интересах нашего общего дела – чем скорее уничтожить фашизм. Для этой цели мы обязаны создать книгу и в ней убедительно рассказать об участии евреев в войне. Одной статистики мало. Нужны живые рассказы, живые портреты. Нужен сборник о евреях-героях, участниках Великой Отечественной войны. Необходимо рассказать правду, чистую правду. И этого будет вполне достаточно¹.

Не будем рассуждать о том, что такое «чистая правда», особенно если речь идет о войне. Заметим лишь, что львиная доля книг и статей, посвященных участию евреев в войне, рассказывает о героях и подвигах. Этому же – героям и подвигам – посвящена большая

часть публикаций об участии в войне других народов СССР. Дело, разумеется, нужное и благородное.

На войне, однако, не только совершают подвиги. Более того, на войне не только убивают и умирают. На войне играют в карты, пьют, поют, завидуют, любят, воруют. В общем, живут. Конечно, говоря о войне, мы не избежим размышлений о смерти. Попробуем, однако, поговорить о другом – о жизни на войне. При всей огромной литературе о войне, об этом – о жизни на войне, в особенности о жизни «рядового Ивана» (или Абрама) – написано менее всего². Лишь в недавнее время появились первые работы о человеке на войне, появилась даже специальная отрасль – военно-историческая антропология³. Но все это лишь начало пути.

Вопрос вопросов: где взять сведения о жизни «рядового Абрама» (условный «Абрам» мог быть, конечно, сержантом или младшим офицером) на фронте, о его быте, настроениях, чувствах? Ответ как будто ясен: следует обратиться к источникам личного происхождения – дневникам, письмам, воспоминаниям. Здесь-то и начинается проблема. Дневники на войне вести запрещалось, письма цензуровались. Впоследствии память о войне тщательно унифицировалась. Огромное количество мемуаров (помните знаменитую серию «Военные мемуары»?) было издано военачальниками различных рангов. Тексты, разумеется, тщательно редактировались и согласовывались, да и писались, как правило, не самими генералами и маршалами, а «литературными неграми» (в большинстве своем совершенно бездарными).

«Военные мемуары стали чем-то вроде замогильных записок, сочиняемых генералами-шатабрианами, – писал бывший командир пулеметной роты Зиновий Черниловский, –

² Одна из немногих толковых книг на эту тему написана британским историком Кэтрин Мерридейл: Catherine Merridale. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York, 2006.

³ См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002.

¹ Эйникайт. 15 марта 1943 г. Цит. по: Свердлов Ф.Д. Энциклопедия еврейского героизма. М., 2002. С. 10.

тогда как солдаты – Некрасов или Быков – сосредоточились на художественном видении войны. Где, мол, тот командир роты, который откажется показать эту величайшую из войн как ее участник. Просто и буднично, то есть не как “человек с ружьем”, а много проще и обыденней, в духе известной французской поговорки: на войне как на войне...»⁴

Ситуация начала меняться в перестроечные годы, а в постсоветской России произошла настоящая «источниковая революция». Число текстов о войне стало возрастать в геометрической прогрессии, степень их откровенности – тоже. Вышли десятки, если не сотни, мемуарных книг. Энтузиастами военной истории были записаны тысячи рассказов ветеранов. Оказалось, что некоторые рядовые великой войны вели дневники, несмотря ни на какие запреты. А также писали воспоминания о своем военном опыте, не рассчитывая на публикацию. Писали для детей, внуков, «в стол» – для истории. Иногда побудительным мотивом написания текстов была официальная ложь о войне и соучастие в этой лжи «назначенных» ветеранов.

«Ни в одной стране нет таких замечательных ветеранов, как в нашем родном и любимом СССР», – писал Василь Быков. Они «не только не способствуют выявлению правды и справедливости войны, но наоборот – больше всех озабочены ныне, как бы спрятать правду, заменить ее пропагандистским мифологизированием, где они герои и ничего другого. Они вжились в этот надутый образ и не дадут его разрушить»⁵.

Характерно, что письмо Быкова Н.Н. Никулину, автору замечательных «Воспоминаний о войне», написанных в середине 1970-х, опубликованных в 2008-м, датировано 1996 годом. Для Быкова СССР – если говорить об отношении к войне – продолжал существовать.

Конечно, к воспоминаниям, написанным 40, а то и 50 лет после описываемых событий, как и к устной истории (интервью), надо от-

носиться с большой осторожностью. Дело не только в слабости человеческой памяти. Пишут и рассказывают уже другие люди, совсем не такие, какими они были во время войны. Жизненный опыт, окружающая обстановка, прочитанные книги и увиденные фильмы, десятилетия пропаганды – все это не может не отразиться на содержании написанных или наговоренных текстов. Иногда ветераны, сами того не замечая, вставляют в свои рассказы какие-то сюжеты из просмотренных фильмов, иногда полемизируют с прочитанным или увиденным. Не вдаваясь в детали историковедческого анализа, заметим, что использовать эти «новые мемуары» можно, но верить всему «на слово» не приходится.

Среди авторов «новых мемуаров» немало евреев. Воспоминания ветеранов-евреев выходят не только в бывшем СССР. Книги отдельных авторов или сборники воспоминаний печатались в Ванкувере, Тель-Авиве, Нетании, Детройте, Пало-Альто и других местах, куда судьба занесла ветеранов, уехавших из бывшего СССР. Записаны сотни интервью ветеранов-евреев. Архив Блаватника (Blavatnik Archive Foundation) в Нью-Йорке специально занимается интервьюированием евреев-ветеранов, живущих в разных странах. К настоящему времени сотрудниками архива записано уже более 800 интервью. Немало рассказов ветеранов-евреев можно найти на сайте «Я помню» (www.iremember.ru).

Однако же самыми ценными – и самыми редкими – «источниками личного происхождения» о войне остаются дневники. Среди авторов немногих дошедших до нас дневников на удивление много евреев. Статистически это вполне объяснимо. В Красной Армии и Военно-морском флоте в годы войны служили, по разным данным, от 430 до 450 тыс. евреев. 142 500 из них погибли⁶. Согласно

данным переписи 1939 года, евреи составляли 1,78% населения СССР. В то же время они составляли 15,5% всех советских граждан с высшим образованием (в абсолютных цифрах [171 000] они уступали только русским [620 209], опережая украинцев [147 645]). 26,5% евреев имели среднее образование⁷. Эти категории и составляли большую часть контингента евреев-красноармейцев. Понятно, что ведут дневники, как правило, люди образованные.

Повторим еще раз, что вести дневники на фронте запрещалось. Комиссар роты, которой командовал Черниловский, увидев у него записную книжку, отобрал ее и бросил в печурку: «Помни, комроты, товарищ Сталин приказал: всех, кто будет вести дневники, – расстреливать». «Не знаю, был ли такой приказ, но дневников я больше не вел. Как и все», – писал Черниловский более полувека спустя⁸.

Однако же нет таких приказов, которые бы в СССР – в данном случае, к счастью для историков, – не нарушались. Марк Шумелишский вел записи на отдельных листках, иногда не проставляя даты. Он понимал, что записывать свои впечатления, а в особенности мнения опасно. «Очень многое из того, что хотелось бы записать и осмыслить потом на конкретных примерах, нельзя <...> все записывать нельзя. Запись, попавшая гадине, может причинить зло». Дело не в том, что Шумелишский опасался доноса. Он боялся, что враг может использовать его критические записи в своих целях. Критика, считал он, для будущего. «Это как бы потенциальная критика»⁹.

Напротив, сержант, затем лейтенант Владимир Гельфанд вел дневник совершенно открыто и читал иногда фрагменты из него своим товарищам. Его непосредственный начальник даже советовал ему использо-

в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 152 (табл. 9).

⁷ Althuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 125; Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. С. 288.

⁸ Черниловский З.М. С. 16.

⁹ Шумелишский М.Г. Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

⁴ Черниловский З.М. Записки командира роты. М., 2002. С. 83.

⁵ Василь Быков – Н.Н. Никулину, 25.03.96 // Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 236.

⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 121; Свердлов Ф.Д. С. 11–12. Общие потери еврейского населения (считая тех, кто проживал на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах) составили 2733 тыс. человек, или 55% всего еврейского населения СССР на июнь 1941 года. Это составляет более 10% всех людских потерь СССР в период Великой Отечественной войны. См.: Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР

Страница из дневника Павла Элькинсона.
Фрагмент записи от 1 мая 1945 года
Сержант Павел Элькинсон

вать простой карандаш для записей, нежели химический – для лучшей сохранности¹⁰. В другой раз Гельфанд получил инструкции от политрука:

Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил случайно увиденные в дневнике разные глупости, я пишу теперь так, как подсказал мне политрук. Он говорит, что в дневнике надо писать только о работе роты, о ходе боев, об умелом руководстве ротной командой, о беседах с воинами, проводимых политруком, о выступлениях по поводу его бесед красноармейцев и т. д. Так именно я и буду писать впредь¹¹.

Через два дня в дневнике появляется еще более удивительная запись:

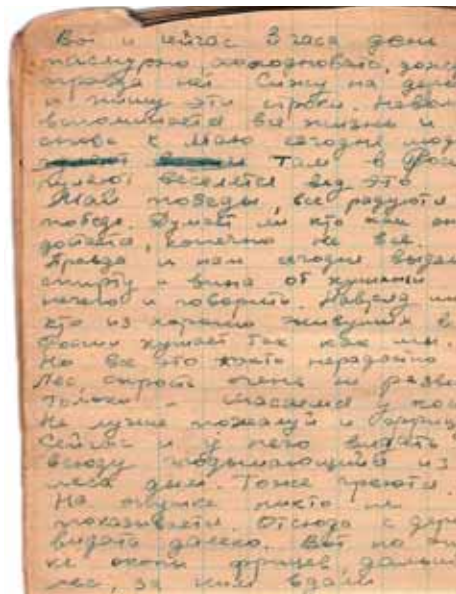
Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями?¹²

Можно было бы подумать, что у Гельфанда что-то случилось с головой, однако причину резкого изменения содержания и тональности дневника проясняет запись, сделанная им две недели спустя:

Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от политрука, когда-то указавшего мне, как писать дневник и что писать в нем!¹³

Надо ли говорить, что Гельфанд вновь стал записывать «глупости» (иногда – без кавычек), которые и составляют на самом деле главную ценность этого обширного текста.

Почему красноармейцы вели дневники? Большинство «писателей» были не без литературных претензий и, возможно, намеревались использовать дневники при подготовке будущих книг: выпускники средней школы

Владимир Гельфанд и Борис Комский сочиняли стихи и мечтали о литературной карьере. «Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь», – записал Гельфанд 6 июня 1942 года. Рядовой Давид Кауфман был студентом московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), готовился стать профессиональным литератором и уже опубликовал первое стихотворение в «толстом» журнале. Впоследствии Кауфман напишет одно из самых известных стихотворений о войне: «Сороковые, роковые...» Думаю, литературный псевдоним автора этих строк напоминать не надо.

Инженер Марк Шумелишский «снова и снова» задавал себе вопрос: «На кой черт я все время пытаюсь вести какие-то записи?» Все время преследует идея собрать материал и со временем написать хорошую правдивую книгу, которая отобразила бы истинные настроения определенных групп людей в тылу в это великое время. Книгу, конечно, можно будет написать много лет спустя, когда все будет пережито, передумано и оценено. Но сейчас необходимо записывать много мелочей¹⁴.

Сержант Павел Элькинсон начал вести дневник по совершенно конкретной причине. 28 августа 1944 года он записал:

Наконец долгожданный день полного изгнания немцев с нашей земли на нашем участке фронта настал. Вот он Прут, вот она граница. Всего 6 дней прошло с того времени, как мы наступаем, а как много сделано. Полностью очищена Бессарабия. Заключен мир с Румынией. Завтра перейдем границу. Разве думал я когда-нибудь, что придется побывать за границей. Оказывается, пришлось. Как хочется запомнить все увиденное и коротко записать. Ведь такое в жизни случается всего один раз...¹⁵

¹⁴ Шумелишский М.Г. С. 19. Запись сделана в марте 1942 года.

¹⁵ Элькинсон П. Дневник – Blavatnik Archive, New York. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Архиву Блаватника и его руководителю Юлии Червинской за предоставленные в мое распоряжение сканированные экземпляры дневников П.А. Элькинсона и Б.Г. Комского. Оба дневника планируется полностью опубликовать в 6-м томе «Архива еврейской истории».

¹⁰ В.Н. Гельфанд. Дневники 1941–1946, запись от 28.06.1942 // http://militera.lib.ru/db/gelfand_vp/05.html (далее – Гельфанд).

¹¹ Гельфанд, запись от 10.09.1942.

¹² Там же. Запись от 12.09.1942.

¹³ Там же. Запись от 27.09.1942.

Элькинсону, служившему разведчиком в артиллерии, довелось изрядно «попутешествовать» по Европе: с августа 1944 по май 1945 года он побывал в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

Работая над настоящей статьей, я сознательно стремился ограничить круг источников дневниками; «чистоту жанра» удастся сохранить не во всех случаях, но все же в основе – впечатления участников войны, записанные ими тогда же, в тот же день или несколько дней спустя после происшедших событий. Мною привлечен также «дневник задним числом» сержанта, впоследствии математика Виктора Залгаллера. В 1972 году, передавая внуку свои письма времен войны (сохраненные его матерью), Залгаллер написал к ним комментарий, проставляя нередко числа и восстанавливая по памяти вычеркнутое цензурой или не написанное в свое время по соображениям цензуры внутренней. Эти воспоминания-комментарий, разумеется, не предназначались для тогдашней печати. Автор нашел для них точное название: «Быт войны»¹⁶. Залгаллер как будто предвосхитил увлечение российских историков «историей повседневности», начавшееся два десятилетия спустя.

Насколько репрезентативны эти тексты? Можно ли судить о военном опыте сотен тысяч евреев-красноармейцев на основании нескольких дневников? Это опять-таки вечный вопрос для историков. Сколько источников надо проанализировать, чтобы утверждать: это – типично, а это – нет? Очевидно, что эти несколько текстов не отражают опыта всех евреев – бойцов Красной Армии. В то же время, на наш взгляд, бесспорно, что несколько молодых людей, ставшие волею судеб участниками великой войны и зафиксировавшие тогда же свой опыт на бумаге, так сказать, «социологически» подобны многим своим сверстникам. Все они, как и почти половина советских евреев накануне войны, – жители крупных городов (Москвы, Ленин-

града, Киева, Запорожья, Днепропетровска). Все – выпускники десятилетки, студенты или выпускники вузов. Что тоже довольно типично. В 1939 году в СССР насчитывалось 98 216 студентов-евреев (11,1% от общего числа студентов), причем в Москве евреи составляли 17,1% всех студентов, в Ленинграде – 19%, Харькове – 24,6%, Киеве – 35,6%, Одессе – 45,8%¹⁷. При определенной типичности боевой и жизненный путь каждого из авторов дневников, конечно, уникален. И интересен сам по себе.

Все они были стопроцентными советскими патриотами. Те, кто постарше, пошли добровольцами в народное ополчение или в армию. Выпускников школ, также стремившихся поскорее повоевать, как правило, призывали в положенные сроки.

Виктор Залгаллер, студент механико-математического факультета Ленинградского университета, в декабре 1940 года по комсомольскому призыву перешел в Ленинградский же авиационный институт. Смысл «призыва» был ясен: вероятность войны была уже выше вероятности, и военновоздушные силы нуждались в специалистах. Однако повоевать в авиации Залгаллеру не пришлось: вскоре после начала войны он записался в артиллерийское училище, а 4 июля 1941 года, на следующий день после выступления по радио И.В. Сталина, пошел в народное ополчение. Он был не одинок: из авиационного института ушло в ополчение 400 человек.

Вот картинка, отложившаяся в его памяти: «Идем строем в штатском. По тротуару идут жены. В строю из газетного кулька ем вкусную свежую сметану»¹⁸.

Рассуждая задним числом, глупость начальства, позволившего отправиться на фронт рядовыми четырьмя сотням будущих специалистов по авиационному делу, трудно переоценить. Особенно зная чудовищный уровень потерь советской авиации, свыше половины которых пришлось на так называемые «небоевые потери»¹⁹. Конечно,

400 человек вряд ли в корне изменили бы ее судьбу, но наверняка они были не единственными, использованными по меньшей мере неэффективно. Товарищ Залгаллера Петр Костелянец пошел все-таки в артиллерийское училище, резонно заметив, что воевать надо уметь. Залгаллеру идти в училище показалось трусостью.

Угодил потенциальный специалист по авиационному делу в артиллерию, затем стал связистом.

Один из самых показательных случаев истинного советского патриотизма – история Марка Шумелишского. В 1941 году ему исполнился 31 год. Это был человек, «сделавший себя сам». В 1922 году, в 12-летнем возрасте, начал работать, так как мать лишилась заработка и семья голодала. Служил более 12 лет в Госбанке – курьером, конторщиком, счетоводом, бухгалтером, экономистом. В школе не учился, занимался самообразованием. В 1932 году поступил на вечернее отделение МВТУ им. Н.Э. Баумана, затем перешел на дневное и в 1938-м получил диплом инженера-механика. В этом же году начал работать на московском заводе «Компрессор». В первый год войны был мастером, заместителем начальника цеха, изготавливавшего рамы направляющих для ракетных установок, известных под названием «катюша»²⁰.

Казалось бы, человек занимался предельно важным для армии делом и был, конечно, освобожден от призыва. К тому же у него была сильная близорукость. Однако Шумелишский рвался на фронт и неоднократно ходил в военкомат, настаивая, чтобы его призвали. Подчеркну, что это было отнюдь не в первые дни войны, когда многие наивные энтузиасты боялись «не успеть» на войну.

После очередной неудачной попытки уйти в армию, 11 октября 1941 года, Шумелишский записал: «Вообще, на человека, изъявляющего желание идти в армию при

потеряно в ходе боевых действий; еще 45 тыс. боевых машин вышли из строя в результате аварий и других чрезвычайных происшествий. См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 479–480 (табл. 186), 482–483 (табл. 187, 188).

²⁰ Шумелишский М. С. 5.

¹⁶ Залгаллер В. Быт войны // Вестник (Балтимор). 2001. №11 (270). 2001. 22 мая – <http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/zalgalder.htm> (далее – Залгаллер).

¹⁷ Altshuler M. P. 34–35, 120, 308.

¹⁸ Здесь и далее воспоминания В.А. Залгаллера цитируются по указанному выше изданию.

¹⁹ Всего за годы войны более 43 тыс. самолетов было

Последние страницы дневника
Бориса Комского

наличии возможности этого избежать, смотрят как на идиота, даже в военкомате»²¹.

В мае 1942 года Шумелишский все-таки добился своего и ушел добровольцем в армию.

Чем же отличалась «война Абрама» от «войны Ивана»? В главном – ничем. Смерть не отличала элина от иудея. Если, конечно, иудей не оказывался в плену.

Пообещав говорить о жизни, начну со смерти. Ибо жизнь на войне всегда проходила под ее знаком. Смерть на войне бывала разная. Редко – героическая, чаще – будничная, иногда – глупая. И всегда отвратительная. В ней не было, как это нередко можно увидеть в современных фильмах о войне, никакой «эстетики».

«Первые позиции, – вспоминает о дне 14 июля 1941 года Виктор Залгаллер. – Недалеко дурно пахнет. Кружатся мухи. Из земли торчат нос и губы плохо зарытого трупа. И нос и губы черные. Жарко. Обстрел. Что-то прилетело и закачалось на ветке – кусок человеческого кишечника».

Борис Комский начал свою войну в июле 1943 года. Его и его товарищей по Орловскому пехотному училищу (находившемуся в то время в Чимкенте) накануне выпускных экзаменов бросили на Курскую дугу²². Комский был сначала минометчиком, а после того, как его миномет был уничтожен попаданием немецкого снаряда, оказался в пехоте. Лапидарные записи Комского, сделанные в июле-августе 1943 года, в разгар одного из самых кровавых сражений в мировой истории, по существу – хроника гибели его взвода, да и полка в целом.

22 июля:

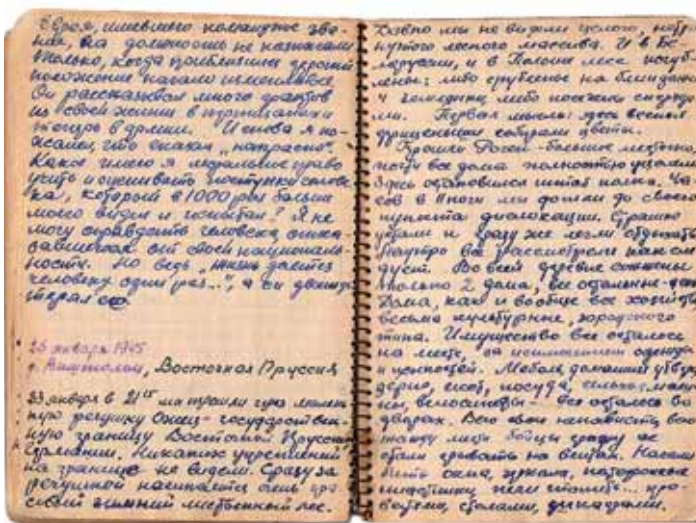
Заняли огневую в глубокой лощине. Выпустили уже по десятку мин. Немец все вре-

мя лупит по нам из артиллерии. Саша Оглоблин ранен в голову. Ушел в санбат. Вчера убили начштаба полка. За день мой миномет выпустил 45 мин. Это пока рекорд. Только что принесли тело сожженного заживо мл[адшего] л[ейтенант]а, попавшего в окружение с 12 ранеными.

23 июля:

Сегодня – тяжелый день. За него немец далеко оторвался и, видимо, окопался и подтянул силенки. Прошли километров 15. Он все время лупит из артиллерии и минометов. Наша рота на марше только потеряла 3 человека – 1 убит.

26 июля:

Впереди важная ж. д. станция в 12 км от Орла. Мы должны ее взять. Батальон сильно поредел. Осталось не больше 2 взводов. Комбату оторвало обе ноги, и он умер. Начштаба ранен. Под вечер старшины несли в термосах обед на передовую. Один из них израл на губной гармошке, другой сокрушался, что скоро надо нести ужин. Обоих убило²³.

Поредевший полк свели в один батальон. Однако просуществовал он недолго:

3 августа:

Тяжелый день. Старшина Тыркалев, проважавший два года, подорвался на минах. Рекомендовал меня в партию, а вчера написал мне боевую характеристику на медаль «За отвагу». Трое ранены. Пьяный комбат кап[итан] Форнель без артподготовки повел под бешеный огонь батальон, от батальона остались рожки да ножки, а ведь это уже сводный батальон со всего полка. Сам Форнель убит.

6 августа Комскому, как выяснится вскоре, повезло – его ранили. Задним числом он написал обстоятельства боя в районе какой-то сожженной дотла деревни на Орловщине:

Один за одним выбывают люди. Наши опять остались где-то сзади. Ошков пополз к ним, обещал вернуться за нами: нас человек 5. По моему пулемету бьют немецкие пулеметы. Они нас видят, только пошевелишься – очередь. Мой второй номер Гриншпун тяжело ранен в ногу. Заговорил «ванюша»²⁴, Гриншпуна выносить некому и некуда. Ошкова нет. Я на минуту приподнялся, вижу – наши пошли ложиной слева, метрах в 700 от меня, добраться к ним крайне трудно: рожь кончилась. Все же приказал двум оставшимся ползком на палатке тащить Гриншпуна, а сам хотел поползти к нашим. И тут пришла и моя очередь: осколок мины

стукнул в правую руку, санитар перевязал. Я спокойно, даже без усиленного сердцебиения, ожидал конца, спокойно отнесся к ранению и видел, как осколок вырвал клочок мяса вместе с гимнастеркой. Я пополз рожью назад. Он все лупит по мне из пулемета, даже на колени стать нельзя. Кое-как добрался за обратный скат и пошел во весь рост... К вечеру добрался до санроты.

Комский оказался в госпитале. И здесь узнал о гибели всех своих товарищей:

²⁴ «Ванюша» – разговорное название германского реактивного миномета «Nebelwerfer».

²¹ Там же. С. 16.

²² Интервью Б.Г. Комского Леониду Рейнесу. Львов, 27 июня 2009 года. Текст интервью предоставлен Архивом Блватника.

²³ Здесь и далее дневник Б.Г. Комского цитируется по копии (скану), предоставленной Архивом Блватника.

19 августа

Тяжелый день. Пришел ко мне Годик Кравец, которого тоже привезли в наш госпиталь. Его ранило в ногу осколком 9 августа, через 3 дня после меня. Это был роковой день для нашей роты. По прихоти начштаба батальона, полного дурака, начали «улучшать» позиции и нарвались на заград[ительный] огонь немецких минометов. Убиты Яша Малиев, Исламов, Ошков, Михайлов, мл[адший] лейтенант Кушнерев. Из роты осталось 5 человек, из нашего взвода – никого. Это известие страшно подействовало на меня. Главное дело – Яша Малиев, дорогой товарищ, золотой парень. А вечером дивизии вывели на отдых и формировку. Сколько голов положено понапрасну из-за косности командиров.

Битва на Курской дуге была, конечно, мясорубкой. Однако Красная Армия продолжала нести тяжелые потери и в дальнейшем. Противник упорно сражался до конца. Особенно тяжелые бои шли в Венгрии. Павел Элькинсон записал 11 ноября 1944 года:

Идут очень жестокие бои. Что ни день, то труднее. Враг не сдает без боя ни метра своей земли. Почти каждый день теряем лучших своих людей. 4/XI первые ночью вошли в г. Цеглед. Здесь убило нашего нач[альника] разведки. Что значит судьба человека. Ведь всего 1 минута, как я стоял с ним вместе. Я только отошел, как около него разорвалась мина.

Смерть могла поджидать и тогда, когда противник как будто не оказывал серьезного сопротивления. Три человека из части Элькинсона погибли, прикоснувшись к проволоке, протянутой вдоль берега Дуная, по которой противник пустил ток высокого напряжения (23 ноября 1944 года).

Часть Элькинсона двигалась по направлению к Будапешту. «Место красивое, курортное. Много садов, виноградников. Пьем вино и идем дальше», – записывает от 24 ноября.

Однако идиллия продолжалась недолго. На следующий день в дневнике сержанта Элькинсона, судя по коротким записям, не склонного к унынию и рефлексии, появляется, едва ли не в первый раз, нотка отчаяния:

Снова разгорелся сильный, жестокий бой. Когда этому будет конец. Проклятый фриц не хочет отступить. Весь день, не переставая, бомбят самолеты. Это не очень-то и приятная штука. К исходу дня пошли на нас танки. Погода плохая, туманная, так что подошли они к нам метров на 350, тогда их только заметили. С трудом отогнали их. Опять сегодня одного убило, двоих ранило. Какие должны быть нервы, чтобы смотреть и испытывать это каждый день и непрерывно третий год. Так в голове невольно и ходит: когда же твоя очередь?

Наши герои, в отличие от бабелевского «альтер эго» – Лютова, овладели «простейшим умением – умением убить человека». На войне убийство – это как бы и не убийство, а работа. К тому же если не ты его, то он тебя. И все-таки... иногда, читая дневники или воспоминания, как будто ощущаешь, что от этой работы солдатам не по себе. Точнее, как будто бойцы не могут забыть, что немцы – тоже люди. Хотя и опыт войны, и пропагандисты говорили об обратном. Напомню эренбургское «мы поняли: немцы не люди»²⁵.

Иногда немцы – это какие-то фигурки вдалеке:

На горке нагло появились два немца с небольшим минометом, пробуют стрелять в нас. Но мы пристреливаем их залпом из карабинов.

(Залгаллер, 4 сентября 1941 года.)

Иногда того, кого ранили или убивали, видели в лицо. Так случилось с Борисом Комским в бою 5 августа 1943 года:

Пошли в атаку. Немцы побежали. Наш взвод вырвался вперед – во взводе 8 человек. Прошли деревню. Немцы отступают по ржи. Наши бегут за ним. Я присел на колено, выстрелил из винтовки. Один фриц упал. Ликую. Бегу вперед. Вижу – двое отстали. Командую своим: окружать. Один поднял руки. Бегу ко второму, нагнал, оказывается – тот, в кого я стрелял: ранен в голову. Сует мне в руки индивиду-

²⁵ Эренбург И. Убей // Красная Звезда. 1942. 24 июля.

альный пакет. Не перевязал. Здоровый фриц с орденом и орденой лентой. Снял автомат, обыскал. Кто-то кричит: «Снимай часы – чего смотришь». И верно – думаю; снял.

Эти часы еще очень пригодятся сержанту Комскому. И вовсе не для того, чтобы слезить за временем.

Павел Элькинсон записывает 11 ноября 1944 года: «Хлопнул сегодня еще одного. Это 4-й. Жалости никакой».

Залгаллер, хладнокровно «пристреливавший» немецких минометчиков, 20 июля 1942 года слышит по радио переговоры наших танкистов, их дыхание.

В памяти остались страшные слова:

– Тут двое сдаются.

– Некогда, дави.

И я слышу, как дышит водитель танка, убивая людей.

Не немцев – людей.

В 1945 году в предместье Данцига тот же Залгаллер видит лежащего у перекрестка раненого немецкого солдата:

Лица нет, дышит сквозь кровавую пену. Кажется, в доме рядом есть люди, только бояться выйти. Стучу рукояткой пистолета. Говорю, чтобы перевязали раненого.

Что ему этот раненый немец? Ему, видевшему трупы умерших от голода в блокадном Ленинграде и людей, жаривших котлеты из человечины и не стеснявшихся этого? Почему сержант Элькинсон записал, что не испытал никакой жалости к убитому им немцу? Почему он вообще упомянул о жалости, как будто должен был все же ее испытывать? Особенно учитывая, что вся его семья, за исключением брата (служившего в армии и тяжело раненого в первые дни войны), была расстреляна немцами в Запорожье.

Похоже, что человеческое не так легко вытравливается. Даже в нечеловеческих обстоятельствах.

Введение к истории о жизни на войне обернулось рассказом о смерти. Ну что ж, о жизни – в следующей статье. **Л**